

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 111.1 + 130.2

Оригинальное теоретическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2024-10-4-18-24>

Критика массовой культуры К.И. Чуковским как антропологическая проблема

К.А. Лукьяненко

Институт сквозных технологий, Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ dakos@inbox.ru

Аннотация

Введение. В связи с текущей повесткой повсеместного навязывания Западом антиценностей и антикультуры в особой зоне риска находятся дети. Уже многие годы, а сегодня с особой силой, осуществляется латентное формирование детской девиантной духовности посредством издательской деятельности. С целью выявления этой тенденции ставится задача обратиться к опыту лидера отечественного литературоведения К.И. Чуковскому. Данное обращение показало вполне конкретно, что истоки нарастающей деструктивизации, негативно влияющей на духовно-нравственное воспитание и развитие детей и молодежи, находятся именно там, в начале XX в. А со временем они лишь усиливались.

Материалы и методы. Применяются аксиологический и системный подходы; исторический метод, методы нравственного богословия и формальной логики. Основной материальной базой послужила работа К.И. Чуковского «Нат Пинкертон и современная литература» (1908), труды отечественных и зарубежных философов, а также современные исследования по литературоведению. Особое внимание было уделено изучению проведенного исследования известным российским педагогом В.И. Сорокой-Росинским.

Результаты исследования. Выявлено, что отказ человека от своих духовных начал (процесс секуляризации) приводит к деградации самого человека, к известному «все позволено» (Ф.М. Достоевский). К.И. Чуковский смог увидеть признаки этой всепозволяющей надвигавшейся угрозы («признаки болезни, но не болезнь»), в частности, в вопросе воспитания и развития детей. Это он и попытался продемонстрировать на примере популярной в то время среди детей и молодежи фигуры сыщика «Ната Пинкертона».

Обсуждение и заключение. К.И. Чуковскому одному из первых удалось увидеть предпосылки формирования детской девиантной духовности в начале прошлого века как следствие системного антропологического кризиса. Его гипотезы подтверждаются дальнейшими исследованиями, в частности, проведенными В.И. Сорокой-Росинским и другими учеными.

Ключевые слова: массовая культура, готтентот, К.И. Чуковский, натпинкертоновщина, кризис личности, процесс секуляризации, этический индифферентизм, духовность наизнанку, восстание масс

Для цитирования. Лукьяненко К.А. Критика массовой культуры К.И. Чуковским как антропологическая проблема. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2024;10(4):18–24. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2024-10-4-18-24>

Original Theoretical Research

Criticism of Mass Culture by K.I. Chukovsky as an Anthropological Problem

Konstantin A. Lukyanenko

Institute of End-to-End Technologies, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ dakos@inbox.ru

Abstract

Introduction. In connection with the current agenda of the widespread imposition by the West of anti-values and anti-culture, children are in a special risk zone. For many years, and today with particular force, the latent formation of children's deviant spirituality has been carried out through publishing. In order to identify this trend, the task is to refer

to the experience of the leader of Russian literature studies K.I. Chukovsky. This reference showed quite specifically that the origins of growing destructiveness, negatively affecting the spiritual and moral education and development of children and youth, are located at the beginning of the 20th century. Over time, they only intensified.

Materials and Methods. Axiological and systemic approaches, historical method, methods of moral theology and formal logic are applied. The main material base was the work of K.I. Chukovsky "Nat Pinkerton and modern literature" (1908), the works of domestic and foreign philosophers as well as modern studies of literature studies. Particular attention was paid to the study of the research done by the famous Russian teacher V.I. Soroka-Rosinsky.

Results. It has been revealed that the man's rejection of their spiritual principles (the process of secularization) leads to the degradation of the man themselves, to the well-known "everything is allowed" (F.M. Dostoevsky). K.I. Chukovsky was able to see the signs of this all-permissive threat ("signs of illness, but not illness"), in particular, in the issue of upbringing and development of children. He tried to demonstrate it on the example of the figure of the detective "Nat Pinkerton", popular among children and young people at that time.

Discussion and Conclusion. K.I. Chukovsky was one of the first to see the prerequisites for the formation of children's deviant spirituality at the beginning of the last century as a consequence of a systemic anthropological crisis. His hypotheses are confirmed by further studies, in particular, done by V.I. Soroka-Rosinsky and other scientists.

Keywords: mass culture, hottentot, K.I. Chukovsky, natpinkerton, personality crisis, secularization process, ethical indifference, spirituality inside out, revolt of masses

For Citation. Lukyanenko K.A. Criticism of Mass Culture by K.I. Chukovsky as an Anthropological Problem. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2024;10(4):18–24. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2024-10-4-18-24>

Введение. Не многим известно, что у истоков критики массовой культуры в целом и комиксов, в частности, стоит отечественный писатель и литературовед К.И. Чуковский. Он посвятил ряд работ этой проблематике и написал несколько статей, посвященных психолого-педагогическому и морально-этическому анализу содержания массовой литературы. Вклад К.И. Чуковского в копилку отечественных исследований дает возможность переосмыслить исторический опыт издательской деятельности, под новым углом взглянуть на ее изнанку. Философский подход к наследию писателя позволяет выявить некоторые скрытые деструктивные механизмы в детской издательской индустрии, которые негативно влияют на духовно-нравственное воспитание и развитие детей и молодежи, подменяют традиционные для христианской культуры понятия, установки и ценности, нивелируют нормы (например, института семьи), формируют человека «массового» типа.

Целью работы является попытка осветить некоторые исторические аспекты формирования детской девиантной духовности посредством издательской деятельности. Обозначить данную проблему как антропологическую, к которой с целью деформации личности применяются методы ведения ментальной войны против детей.

Материалы и методы. В исследовании применяются аксиологический и системный подходы; исторический метод, методы нравственного богословия и формальной логики. Используемые методы позволяют нам объективно подойти к исследованию выдвигаемой нами гипотезы о том, что истоки современной проблематики формирования детской девиантной духовности необходимо искать в начале XX в. Это также позволяет нам увидеть духовно-нравственные в социокультурной реальности и сделать соответствующие выводы. Основной материальной базой для написания статьи послужила работа К.И. Чуковского: «Нат Пинкертон и современная литература» (1908), труды отечественных и зарубежных философов, а также современные исследования по литературоведению.

Результаты исследования. Написанная статья К.И. Чуковским в 1908 г. «Нат Пинкертон и современная литература» предвосхитила появление проблемы массовизации человека и общества. Той проблемы, о которой будут говорить на протяжении всего XX в. самые видные представители научной социально-философской и культурно-антропологической мысли: О. Шпенглер «Закат Европы» (1918–1922); Х. Ортега-и-Гассет «Восстание масс» (1930); Т. Адорно и М. Хоркхаймер «Диалектика просвещения» (1947); Г. Маркузе «Одномерный человек» (1964); Ж. Бодрийяр «Общество потребления» (1970); Э. Фромм «Здоровое общество» (1955), «Иметь или быть» (1976) и др.

Эта работа К.И. Чуковского является линзой, преломляющей кардинальные духовно-нравственные перемены во всех сферах человеческого бытия: в литературе, искусстве, философии, религии, повседневности. Она была сфокусирована на поисках первопричины всевозможных преобразований того времени, что дало возможность писателю примерить на себя плащ философа и зафиксировать катастрофическое положение человека в космосе, т.е. увидеть антропологическое измерение проблемных событий. Также благодаря данной линзе становится возможным проследить логику последующей критики писателем индустрии комиксов как лидирующего направления массовой литературы. По сути, спустя годы, писателем будет критиковаться не сам жанр комиксов, но определенный тип комиксов, отрицательно влияющий на личность, в основании которого лежат меркантильные интересы корпораций, трестов и государства. Предметом исследования К.И. Чуковского в данной работе являются кинематограф и детективный жанр (сыщицкие рассказы).

Кинематограф писатель называет особым видом литературы и сценического искусства. Анализируя несколько кинематографических фильмов («Бега тещ», «Любовь в булочной», «Приключения с цилиндром игрока») и детективный жанр в лице новоиспеченного американского сыщика Ната Пинкертона, ученый смог увидеть системную проблему в надвигающейся тенденции обнищания человеческого духа. Не будет ошибочным сказать, что К.И. Чуковский увидел духовное одичание человека, примитивизацию духовной жизни, морально-нравственное разложение и деградацию. Он увидел то, что в итоге можно назвать кардиограммой эпохи.

Подтверждением этой мысли являются слова самого автора: ««Кинематограф» и «Пинкертона» – я взял только как симптомы, как свидетельство, что царствие готтентотов пришло» [1, с. 61]. И даже если бы вместо кинематографа К.И. Чуковский взял современный театр или любое другое социокультурное направление, то по его же признанию «все говорило бы об одном и том же» [1, с. 61]. Т. е. исследователь пишет о всеобщем духовно-нравственном упадке и моральном разложении человека.

Итак, примитивизирующийся по всем направлениям человек в начале XX в. будет назван К.И. Чуковским человеком пещерным и получит прозвище «готтентот». Смысл этого понятия писатель заимствовал у А. Герцена; последний обозначал им «неразвитость масс». К.И. Чуковский укажет внешние признаки человека-готтентота. В то время они казались невообразимыми. Но в нашем с вами настоящем эти признаки всецело отражают ту духовную травму и обнищание, которую К.И. Чуковскому удалось разглядеть за целых сто лет до нашего времени. И в этом, кстати, К.И. Чуковский близок Ф.М. Достоевскому, его также можно назвать в некотором смысле пророком: «Смотришь на экран и изумляешься: *почему не татуированы эти люди, сидящие рядом с тобой? Почему за поясами у них нет скальпов и в носы не продето колец?* Сидят чинно, как обычные люди, и *в волосах ни одного разноцветного пера!* Откуда вдруг взялось столько пещерных людей на углу Коломенской и Разъезжей?... Удивительно «ускорился темп общественной жизни», и, может быть, через четыре года ... *мы с успехом займёмся людоедством, и, если не себе, то своим детям вденем-таки в носы по железному кольцу*» [1, с. 27].

Так пророчество К.И. Чуковского сбылось. Многие в современном обществе татуированы, раскрашены в разные цвета и, конечно же, ходят с вдетыми в нос железными кольцами. А темой каннибализма (антропофагии), которую постоянно пытаются продвигать, используя технологию под названием «Окно Овертона», – технологию внедрения в сознание человека того, что, как кажется, совсем не может быть внедрено, поскольку является чем-то ненормальным, – этой темой уже никого нельзя удивить. Так же, как нельзя удивить и продвигаемыми Западом античеловеческими антиценностями, направленными на разрушение личности, института семьи и всего нормального. Чем же все эти признаки пещерности на самом деле являются как ни свидетельством духовного обнищания и моральной деградации всё того же общества потребления, о котором еще век назад свидетельствовал К.И. Чуковский?

Приход личности «хулиганистого Ната Пинкертона» на смену «мещанскому Шерлоку Холмсу» является неслучайным, как об этом скажет критик, и эта участь «постигла все наши культурные ценности». Смену детективов К.И. Чуковский называет эволюцией, и даже больше, «символом нашей общей эволюции», хотя совершенно понятно, что он имеет в виду деградацию. Любая художественная, моральная, философская идея, появлявшаяся в то время в том обществе, в мгновение ока стремилась «опошлиться, оскотиниться, загадаться до невозможности, подешеветь, как проститутка» [1, с. 51]. Все ниспровергалось.

Любой представитель культуры и любой его труд мог быстро превратиться «в нечто лопочущее, улично-хамское, почти четвероногое» [1, с. 51]. Всему виной соборное творчество, миллионного готтентота, которое стирает и опошляет все на своем пути: «Разве вы не видите, что точно шлюзы какие-то открылись, точно прорвало какие-то плотины. И со всех сторон: сверху, снизу, с боков, на всю культуру, на религию, на интеллигенцию, на народ, на города, на деревни, на книги, на журналы, на молодежь, на семью, на искусство – хлынули эти миллионы сплошных готтентотов, и до той поры будут литься, пока не затопят, пока не покроют собою все, и нет нигде такого ковчега, чтоб сесть и поплыть по волнам. Мы все утопленники, все до одного» [1, с. 36].

Описанный К.И. Чуковским процесс детально будет рассмотрен значительно позже Х. Ортегой-и-Гассетом в его книге «Восстание масс». Но появление «этого сплошного готтентота», по мысли писателя, «в русской литературе предвидели давно и с ужасом смотрели на его приближение» [1, с. 36].

Трагичность духовного обнищания и «безумная скорость», с которой все опошлялось, привели нашего мыслителя к следующему довольно серьезному тезису, как бы вырисовывающему духовную бездну, в которую впадало человечество в начале XX в.: «И я думаю: приди теперь снова на землю Христос, – посмотрели бы вы, что сделали бы наши газеты в два-три дня из Нагорной Проповеди. В два-три дня! Чтобы опошлить Евангелие, человечеству всё же нужно было девятнадцать веков, но теперь это делается в два-три дня» [1, с. 51].

Неудивительно, что год опубликования большой статьи К.И. Чуковского «Нат Пинкертон и современная литература» совпадает с выходом в свет произведения В.П. Свенцицкого «Антихрист» (1908). Повесть В.П. Свенцицкого по своему содержанию как бы воплощает мысли К.И. Чуковского в тексте. Хотя, разумеется, речь здесь идет прежде всего об удивительном синхронном и интуитивном видении колебаний духовно-мертвенной и обреченной на страшные испытания эпохи.

К.И. Чуковский считал, что максимальное отклонение человека от своей сущности, а лучше сказать, утрата человеком своей сущности и скатывание в звериное состояние, в полной мере раскрылось в серии американских детективных историй про Ната Пинкертона: «...Нат Пинкертон – ведь это уже зоология, ведь это уже конец нашему человеческому бытию...» [1, с. 50]. После же эта «зоология» станет основным содержанием индустрии комиксов, а на смену Пинкертому придет Супермен.

К.И. Чуковский, воспевая Шерлока Холмса и ниспровергая Ната Пинкертона, покажет огромную между ними разницу. И если первого сыщика можно отнести к высокому искусству, то последнего к социальному дну, являющему собой символ *духовного нездоровья* человека. Небывалая всеобщая слава кинематографа и сыщического рассказа разгромно оттеснила в тень, на периферию культурного бытия, всю классическую литературу и высокое искусство, и, по признанию К.И. Чуковского, «молодежь впервые за сто лет оказалась без “идей” и “программ”». И в этой культурной пустыне, которую породил «сплошной готтентот» любимым чтением и персонажем становится «Нат Пинкертон».

Какую же пользу может принести детям и подросткам персонаж, совершающий далекие от нравственности поступки, у которого «вместо души – кулак, вместо головы – кулак, вместо сердца – кулак – и действие этого кулака от него только и требуется. Кулак во всех формах и во всех проявлениях. Пинкертон стреляет, колет, режет, рубит людей, как капусту, безо всякой жалости – и если подсчитать, сколько истребил он народу лишь в десяти книжках своих «похождений», то получится население хорошего провинциального города...».

Ведь не зря серию рассказов про этого сыщика критиковали и запрещали не только в России, но и в Германии: «Немецкие педагоги были непреклонны в отношении негативного влияния детективных историй на читателей-подростков и видели прямую связь между чтением этого жанра и совершением преступлений... Немецкие педагоги напрямую обратились к издательствам, книжным магазинам и библиотекам с просьбой остановить распространение детективных историй среди юных читателей...» [2].

Запрещали их и в Швейцарии, видя какое негативное влияние сыщические рассказы оказывали на детей: «При исследовании Меймана детских идеалов, что среди швейцарских детей четырнадцатилетнего возраста более половины признало, что их жизненный идеал состоит в том, чтобы сделаться богатыми, приобрести деньги и вообще жить, не работая и пользуясь всеми благами» [3]. Кроме как духовной деградацией назвать подобные устремления нельзя. И это хорошо понимал литературный критик К.И. Чуковский.

Итак, жёсткая критика К.И. Чуковским Пинкертона и кинематографа позволит ему в итоге сделать вывод, в котором, мы считаем, отчетливо видны указания писателя на антропологическую проблему, лежащую в основании глубинных преобразований, происходивших в начале XX в. во всем мире и особенно в России: «Конечно, кинематограф не причина зла, и не причина зла – Пинкертон – они то же самое, что жар или рвота: признаки болезни, но не болезнь. И если я все же «обрушиваюсь» на них так, как будто они во всем виноваты, то это потому, что для меня они символы всего этого огромного и сложного явления» [1, с. 61].

Натпинкертоновская критика как зеркало кризиса личности и процесса секуляризации. Именно в кризисе культуры XX в. воплощаются наиболее ярко последствия духовного кризиса личности. В зеркале происшедших событий отразилась этическая и религиозная деградация человека как духовного существа. Так православный богослов С. Роуз видит человека XX столетия «человеком наизнанку» (1982) [4], а французский философ Р. Генон духовность общества называет «духовностью наизнанку» (1945) [5].

В 1934 г. русский философ Н.А. Бердяев, спустя много лет после комментариев к Пинкертону К.И. Чуковского, в своей работе выразит аналогичный писателю взгляд на антропологический кризис: «Решительно во всем чувствуется потрясение человеческого образа, разложение той человеческой личности, которая выковывалась в христианстве и выковывание которой было задачей европейской культуры». [6, с. 214]. В 1955 г. немецкий философ Э. Фромм, оценивая масштаб кризиса личности в XX в., поставит окончательный диагноз человеку в своей работе «Здоровое общество»: «В XIX в. проблема состояла в том, что Бог мертв; в XX – проблема в том, что мертв человек» [7, с. 563].

«Смерть Бога» – известный манифест Ф. Ницше – еще один французский философ М. Фуко в 1966 г. также определит как синоним «смерти человека»: «... через филологическую критику, через биологизм особого рода Ницше достиг той точки, где человек и бог сопринадлежны друг другу, где смерть бога синонимична исчезновению человека и где грядущее пришествие сверхчеловека означает прежде всего неминуемость смерти человека» [8, с. 362].

М. Фуко несколько раз в своей работе будет акцентировать внимание на глубинной связи смерти Бога со смертью человека: «... между смертью бога и концом человека есть связь: разве не последний человек возвещает о том, что он убил бога, помещая тем самым свой язык, свою мысль и свой смех в то пространство, где бога уже нет, и выступая как тот, кто убил бога, обретя в своем существовании свободную решимость на это убийство?» И далее: «Мысль Ницше возвещает не только о смерти бога, но и (как следствие этой смерти и в глубокой связи с ней) о смерти его убийцы» [8, с. 402–403].

Именно в смерти Бога исполняется смерть человека, объявленный конец Абсолюта умерщвляет самого человека. По сути человек самоумерщвляется. Болезнь, о которой говорил К.И. Чуковский, есть именно это следствие убегания человека от Бога, процесс секуляризации. Самоумерщвление осуществляется через попытку «умертвить Бога». И речь здесь идет не о некоем метафорическом языке ради красного словца, а о духовной смерти человека. Убийца Бога, человек, это самоубийца. Однако Бога убить невозможно. А вот убить в себе Бога – попытаться «выкорчевать» образ Божий из себя, из человеческой личности, очень даже можно. Вот это и есть духовная смерть. Её очень ярко продемонстрировал Ф.М. Достоевский в своих «Бесах» на примерах Верховенского, Ставрогина, Кириллова.

Не зря же и К.И. Чуковский вспоминает «Бесов» Ф.М. Достоевского только в том ключе, чтобы продемонстрировать насколько больше в арифметической прогрессии испортился человек с того времени к моменту написания статьи (1870–1872 и 1908): «Если бы Достоевский, когда писал «Бесов», – да если бы он хоть на секунду мог предвидеть, что случится через сорок лет, он бы розами увенчал своих бесов, он бы курил перед ними фимиам и творил перед ними молитву. Ибо что такое те бесы – перед нынешними» [1, с. 36]. Но именно этих «нынешних» бесов, нигилистов, творящих революции, видел Достоевский-пророк. Просто тогда они были «в масках». И было их не так много, поскольку противодуховная зараза не успела еще так сильно распространиться среди русских людей («Сон смешного человека» Достоевского). Но это не помешало предвидеть Ф.М. Достоевскому грядущие катастрофы благодаря своей духовной интуиции. А уже К.И. Чуковскому «посчастливилось» увидеть всё тех же бесов, но уже без масок.

Пренебрежительное отношение к сакральному не могло не привести к такому моменту, «когда Бог окажется окончательно снаружи человека, а человек окажется фрагментом, уже окончательно не затронутым божественным

присутствием» [9, с. 110]. Как об этом скажет М. Хайдеггер, осмысливая судьбоносную фразу Ф. Ницше, а за ним повторит В. Мартынов: «Именно этот момент прочувствован и определен Ницше как «смерть Бога» [9, с. 110].

Слова Ницше «Бог мертв» вовсе не нивелируют факт существования религиозной жизни миллионов верующих. Они означают «лишь то, что все, связанное с верой, перестало оказывать формирующее воздействие на мир, что все, связанное с верой, оказалось в каких-то «расселинах и пещерах», не видимых и не ведомых миру, что все, связанное с верой, как бы «изъято» из мира, хотя как бы и существует в нем» [9, с. 110].

Речь идет о священном. А готтентот презирает священное, попирает его. Вспомним Ортега-и-Гассетовское: «Массовый человек считает себя совершенным... существует только он, и привыкает ни с кем не считаться, а главное – никого не считать лучше себя... заурядные души, не обманываясь насчет собственной заурядности, безбоязненно утверждают свое право на нее и навязывают ее всем и всюду... Масса сминая непохожее, недюжинное и лучшее...» [10, с. 57, 68, 11–12]. Такое абсурдное состояние человека испанский исследователь назовет массовым возмущением, герметизмом и закупоркой души и сознания [10, с. 68]. Следовательно, такая «жизнь без священного становится унижением и пошлостью», поскольку священное есть главное в жизни. А массового человека в собственной жизни больше всего заботит собственное благополучие [10, с. 58]

В. Мартынов считает, что человеком больше не могло переживаться именно присутствие Бога [9, с. 110]. Можно предположить, что человек утратил молитвенную связь с Богом, поскольку внутренний человек находился в состоянии «метафизического обморока» (митр. А. Сурожский). На это обратит внимание и К.И. Чуковский. Он скажет, что в XIX в. то и дело тысячи людей заражались «одной (непрерменно, непременно одной!) какой-нибудь идеей... и за эту, за одну, готовы в огонь и в воду, готовы принять терновый венок то за свое народничество, то за свой марксизм, то за нигилизм, но ничего другого в это время и знать не хотят, на другое ни на что и не смотрят, и все как один человек молятся по своему, по сектантскому молитвеннику» [1, с. 54]. Расшифровать мысль писателя можно так: речь идет о сотворении различных кумиров и возведении их в ранг Бога, что является непосредственным нарушением второй заповеди Декалога.

Философ И. Ильин очень верно описал опыт Богооставленности: «Это – земное без Божественного; внешнее без внутреннего; видимость без сущности; оболочка, лишенная главного; пустой быт, бездыханный труп, поваленный гроб; суэта, прах, пошлость...» [11]. В таком «метафизическом обмороке», несомненно, находится человек, не пришедший к Богу или убегающий от Него: «Изуверское единобожие прошло, и русская интеллигенция перешла к приятному многобожию» после того, как и в нее проник готтентот [1, с. 55].

Существование «вне Бога» или «вне Главного» представляет собой путь «ветхого» или «внешнего» человека, который подчиняется лишь плотским желаниям. (Снова всплывает образ Ставрогина, который, несмотря на свое посещение старца и формальную исповедь, так и не смог прикоснуться к сакральному, поскольку был духовно мертв). Ненормальный, искаженный образ жизни как пример для подражания с неистовой силой начнет наполнять детективный жанр и кинематограф в начале прошлого века, а за ним и всю массовую литературу и культуру.

Недаром К.И. Чуковский в своей статье упоминает ницшеанство и другие западные веяния (гегельянство, дарвинизм, марксизм), которые, как и кинематограф стали русскому человеку невероятно близкими (заразили его): «Нет, для русского всечеловека, *citoyen`a du monde*, кинематограф стал таким же родным, почти национальным явлением, какими последовательно были для него гегельянство, дарвинизм, марксизм, ницшеанство» [1, с. 28]. Недаром К.И. Чуковский упоминает и о Заратустре, главном герое труда Ф. Ницше «Так говорил Заратустра». Именно в этом произведении обозначены основные концепты философии Ф. Ницше: «смерть Бога» (антитеизм), сверхчеловек, воля к власти, цикличность любого развития.

Мудрец Заратустра в статье К.И. Чуковского также станет готтентотом Пинкертоном. Тому, кто вынес приговор Богу: «Бог мертв» (казалось бы, куда хуже?!), выносит свой приговор «многомиллионный готтентот»:

«– А! Вы здесь ницшеанцы! – говорит дальше готтентот. – И я, и я, и я тоже буду ницшеанцем! – И вот он покупает фонограф и заводит его:

– Хочу быть дерзким, хочу быть смелым.

Потом пойдет и изнасилует гимназистку. И на каждом шагу, в каждом фельетоне, за каждой рюмкой крякнет и скажет:

– Так говорил Заратустра!

И смотришь – в два-три года все кончено! Заратустра тоже стал Пинкертоном» [1, с. 52].

Одним словом, то, о чем говорит К.И. Чуковский в своей статье «Нат Пинкертоном и современная литература», есть тонко прочувствованная антропологическая проблема, вызвавшая и у самого писателя немало душевной боли. Писатель зафиксировал не один кризис, а ту демоническую воронку кризисов, в которую засасывало все человечество (грядущие революции, мировые войны...).

Это целая череда различных кризисов, процесс культурно-антропологических кризисов как следствие секуляризации. Спустя годы И. Ильин подведет итог, определив этот процесс как кризис «нецельного духа, расколотого, расщепленного человека». А целью и результатом преодоления этого кризиса является духовное возрождение человека «как цельного, целостного, исцеленного, заповеданного нам Евангелием» [12, с. 326].

Спустя несколько десятков лет, работая в Советском союзе, и хорошо зная современные тенденции в области литературоведения и кинематографии, К.И. Чуковский подвергнет критическому анализу американские журналы комиксов и Диснеевские мультфильмы. Критик скажет, что они оказывают еще более губительное влияние на детское сознание и душу ребенка, нежели Нат Пинкертоном. А еще он скажет, что на смену Пинкертоном придет нечто гораздо более опасное – «сверхчеловек», герой комиксов Супермен. Как скажет сам К.И. Чуковский в своей

работе «Растление американских детей»: «Слово «сверхчеловек», как известно, идет к нам от Ницше, идейного вдохновителя германских фашистов...».

Натпинкертоновская литература как духовно-нравственная угроза. Через два года после впервые поставленных вопросов о деструктивном содержании сыщицкой литературы К.И. Чуковским на них попробует дать ответ отечественный педагог В.И. Сорока-Росинский в своей работе «Нат Пинкертонов и детская литература», показав пагубное влияние подобного содержания рассказов на нравственное чувство ребенка.

С уверенностью можно присоединиться к выводам педагога и подкрепить ими критические мысли К.И. Чуковского. Итак, эти рассказы:

1. Представляют опасность для развития художественного вкуса ребенка: «После двухлетнего увлечения сыщицкими рассказами Лермонтов, Пушкин и другие классические писатели могут, пожалуй, показаться такому школьнику скучными и непонятными» [3];

2. Представляют опасность для развития нравственного чувства учащегося: «...При живости детской фантазии и тот фантастический мир, в котором живет зачитавшийся сыщицкой литературой школьник, мир воров, грабителей, преступников, проституток, Арсенов Люпенов, лордов Листеров и т. д., – можно предположить, что этот мир может очень дурно отразиться на впечатлительной, мягкой, как воск, душе ребенка. Дурно именно то, что школьник привыкает ко всем этим грязным личностям, не шокируется их преступными свойствами...» [3];

3. Представляют опасность для поведения ребенка, поскольку дети склонны подражать: «...Увлекается их борьбой, начинает сочувствовать им, дрожит за их участь, живо разделяет все их интересы, вместе с ними придумывает способы воровства и избавления от опасности и, наконец, вздыхает с облегчением, когда вору удаются его замыслы...» [3];

4. Представляют опасность, поскольку могут привести к этическому индифферентизму: «...Не останутся ли в душе те зародыши, которые так богато были восприняты в детстве, не даст ли этот этический индифферентизм результатов потом, в зрелом возрасте...» [3]. Желание помочь ближним с возрастом может позабыться, а сил противостоять воровству в минуту искушений может не найтись;

5. В средний школьный период «натпинкертоновская литература становится еще более опасной, так как захватывает школьника в самый неблагоприятный для дальнейшего хода его развития момент» [3].

Пытаясь понять, чем и почему так привлекает детей натпинкертоновская литература, В.И. Сорока-Росинский провел анкетирование среди своих учеников и использовал исследования других ученых, которые также пытались выяснить основания предпочтения сыщицкой литературы классическим произведениям. Основные моменты мы выделили следующие:

1. В одном из проведенных анкетирований «в ответах учеников не видно тех оснований, на которых зиждется христианская мораль, мораль сострадания, смиренномудрия, терпения и любви к слабым и несчастным». Учащиеся восхищались и даже преклонялись «перед силой, умом, храбростью, хитростью и другими свойствами, безразличными в этическом отношении, так как ими может обладать и весьма безнравственная личность». Вывод данного анкетирования был следующий: «Пожалуй, дети бессознательно признают те принципы, к которым пришла современная философия в лице Ницше с его преклонением перед сильной, деятельной личностью, хотя бы и безнравственной с христианской точки зрения» [3];

2. Дополнительным выводом к анкетированию будет и такой, который подтвердит спрос среди школьников на такую «смелую, активную личность», деятельную и энергичную как Натаниэль Пинкертонов, что дает право думать о следствии успеха натпинкертоновской литературы. А детская литература того времени совершенно не отвечала этому спросу, поскольку «Мамин-Сибиряк, Баранцевич, Лукашевич в своих произведениях говорят о жалости, о сострадании, неизменно выводя слабых, забытых, одиноких и несчастных людей» [3].

Обсуждение и заключение. К.И. Чуковскому удалось идентифицировать процесс секуляризации как «сложное явление», которое и было причиной начавшегося духовного упадка, приведшего к многочисленным кризисам. Литературный критик сказал об этом значительно раньше многих других исследователей с мировым именем. Также К.И. Чуковский смог показать диалектическую взаимосвязь между духовно деградирующим (низконравственным) человеком и тем, что этот человек производил на свет. Противодуховные стихи, фильмы, книги, картины, философские идеи, как результат аморального творчества, заражали этой антидуховностью других и приводили к большей всеобщей деградации.

Именно К.И. Чуковскому одному из первых удалось увидеть, как антирелигиозный, безнравственный дух проник в сыщицкие рассказы и стал причиной формирования детской девиантной духовности в начале прошлого века, что и подтвердили исследования, проведенные В.И. Сорокой-Росинским и другими учеными

Обращение к наследию К.И. Чуковского помогает нам понять, как массовая культура может влиять на формирование личности, какие деструктивные механизмы она в себе несет. Следовательно, и наоборот, мы получаем возможность проследить, как личность своей духовностью или квазидуховностью формирует культуру, массовую культуру, в частности. То есть это закономерный диалектический процесс. Как важно вовремя реагировать на растущие модифицированные угрозы в этом контексте, вырабатывать защитные духовно-нравственные механизмы и формировать критическое мышление у детей и молодежи.

Список литературы / References

1. Чуковский К.И. *Собрание сочинений: В 15 т.* Т. 7: Литературная критика. 1908–1915. Предисл. и коммент. Е. Ивановой. Москва: ФТМ; 2012. 736 с.

Chukovsky K.I. *Collected works: In 15 volumes. V. 7: Literary criticism = Sobraniye sochineniy: V 15 t. T. 7: Literaturnaya kritika. 1908–1915.* Introductory note and comments by E. Ivanova. Moscow: FTM; 2012. 736 p. (In Russ.).

2. Маслинская С., & Маслинский К. Nat Pinkerton: A Missing Genre in Russian Children's Literature. *Bookbird: A Journal of International Children's Literature.* 2020;58(2):25–33. <https://dx.doi.org/10.1353/bkb.2020.0030>

Maslinskaya S., & Maslinski K. Nat Pinkerton: A Missing Genre in Russian Children's Literature. *Bookbird: A Journal of International Children's Literature.* 2020;58(2):25–33. <https://dx.doi.org/10.1353/bkb.2020.0030>

3. Сорока-Росинский В.Н. *Педагогические сочинения.* Сост. А.Т. Губко. Москва: Педагогика; 1991. 239 с. URL: http://elib.old.gnpbu.ru/textpage/download/html/?bookhl=&book=soroka-rosinsky_pedagogicheskie-sochineniya_1991 (дата обращения: 07.07.2024).

Soroka-Rosinsky V.N. *Pedagogical works.* Compiled by A.T. Gubko. Moscow: Pedagogy; 1991. 239 p. URL: http://elib.old.gnpbu.ru/textpage/download/html/?bookhl=&book=soroka-rosinsky_pedagogicheskie-sochineniya_1991 (accessed: 07.07.2024).

4. Иеромонах Серафим (Роуз). *Аще забуду Тебе, Иерусалиме.* URL: https://azbyka.ru/otechnik/Serafim_Rouz/ashhe-zabudu-tebe-ierusalime/2 (дата обращения: 23.09.2024).

Hieromonk Seraphim (Roze). *I will forget you, Jerusalem.* URL: https://azbyka.ru/otechnik/Serafim_Rouz/ashhe-zabudu-tebe-ierusalime/2 (accessed: 23.09.2024).

5. Генон Рене. *Царство количества и знаменья времени.* Пер. с франц. Москва: Беловодье; 1994. 304 с.

Guénon René. *The Reign of Quantity and the Signs of the Times = Tsarstvo kolichestva i znameniya vremeni.* Translated from French. Moscow: Belovodye; 1994. 304 p. (In Russ.).

6. Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире. *Новый мир.* 1990;1.

Berdyayev N.A. The fate of a man in the modern world = Sudba cheloveka v sovremennom mire. *New World.* 1990;1. (In Russ.).

7. Психоанализ и культура: Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма. Москва: Юрист; 1995. 623 с.

Psychoanalysis and Culture: Selected Works by Karen Horney and Erich Fromm = Psikhooanaliz i kultura: Izbrannyye trudy Karen Khorni i Erikha Fromma. Moscow: Lawyer; 1995. 623 p. (In Russ.).

8. Фуко М. *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук.* Пер. с франц. СПб.; 1994. 407 с.

Foucault M. *Words and things. Archaeology of the Humanities = Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk.* Translated from French. Saint Petersburg; 1994. 407 p. (In Russ.).

9. Мартынов В. *Конец времени композиторов /* Послесл. Т. Чередниченко. Москва: Русский путь; 2002. 296 с.

Martynov V. *The end of the time of composers = Konets vremeni kompozitorov.* Afterword by T. Cherednichenko. Moscow: Russian Way; 2002. 296 p. (In Russ.).

10. Ортега-и-Гассет Хосе. *Восстание масс.* Пер. с исп. А. Гелескула. Москва: АСТ; 2020. 256 с.

José Ortega y Gasset. *The Revolt of the Masses = Vosstaniye mass.* Translated from Spanish by A. Gelescula. Moscow: AST; 2020. 256 p. (In Russ.).

11. Ильин И.А. О России. *Собрание сочинений в 10 т. Т. 6, кн. 2.* М.: Русская книга; 1996. URL: http://korolev.msk.ru/books/TOR/doc/II_in_Sobranie_sochinenii_t_6_2.txt (дата обращения: 23.09.2024).

Ilyin I.A. On Russia. *Collected works in 10 volumes. V. 6, B. 2.* Moscow: Russian Book; 1996. URL: http://korolev.msk.ru/books/TOR/doc/II_in_Sobranie_sochinenii_t_6_2.txt (accessed: 23.09.2024).

12. Ильин И.А. *Путь к очевидности.* Москва: ЭКСМО-Пресс; 1998. 912 с.

Ilyin I.A. *The Path to obviousness = Put k ochevidnosti.* Moscow: EKSMO-Press; 1998. 912 p. (In Russ.).

Об авторе:

Лукьяненко Константин Александрович, старший преподаватель Института сквозных технологий, Донской государственной технической университет (Российская Федерация, 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](https://orcid.org/0009-0001-9210-4000), dakos@inbox.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Lukyanenko Konstantin Alexandrovich, Senior Lecturer, Institute of End-to-End Technologies, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., 344003, Rostov-on-Don, Russian Federation), [ORCID](https://orcid.org/0009-0001-9210-4000), dakos@inbox.ru

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of manuscript.

Поступила в редакцию / Received 07.10.2024

Поступила после рецензирования / Reviewed 21.10.2024

Принята к публикации / Accepted 21.10.2024